

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

ПЕРСПЕКТИВЫ ПСИХОЛОГИИ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА. ЧАСТЬ II. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ¹

© 2013 г. А. Л. Журавлев*, Д. В. Ушаков**, А. В. Юревич***

* Член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор, директор Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института психологии РАН, Москва

** Член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией психологии и психофизиологии творчества, там же

*** Член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор, заместитель директора, там же

Рассматриваются теоретико-методологические проблемы взаимосвязи социально-экономических и психологических феноменов и закономерностей. Предлагается модель психосоциального человека, которая может служить концептуальной основой объединения усилий психологов и представителей социальных наук в целях оптимизации психологического состояния и развития российского общества. Продолжение статьи будет опубликовано в одном из следующих номеров журнала.

Ключевые слова: психология, социогуманитарные науки, НБИКС-конвергенция, психологическая практика, оптимизация, психологическое состояние общества.

В первой части статьи [6] аргументировалось, что психология может решать стратегически важную задачу оптимизации психологического состояния общества, однако для этого ею должны быть приложены большие усилия в сфере теоретико-методологического развития, в особенности – через наведение “концептуальных мостов” (П.К. Анохин) с социальными науками. И, как было показано, эта сложная теоретико-методологическая задача назрела, поскольку обилие полученных за последние полвека фактов, связанных с взаимными влияниями общественных и психологических переменных, осмысливается пока лишь при помощи упрощенных линейных моделей, что не позволяет внести в данный вопрос такую ясность, которая бы вела к существенным для усовершенствования общественной жизни выводам.

Очевидная сегодня недостаточность концептуальных связей между социальными науками и психологией вполне понятна в контексте логики развития научного знания на протяжении последних ста лет. С XIX в., когда появилась целая

плеяда универсальных мыслителей, оставивших след как в социальных науках, так и психологии (К. Маркс, Дж.С. Милль, М. Тард и др.), произошли дифференциация и профессионализация социогуманитарных наук, сопряженные с конкретизацией моделей и расширением объема эмпирических исследований.

Эти процессы позволили социогуманитарным наукам добиться огромных успехов: создать точные модели (часто – облеченные в математическую форму) своих объектов, открыть новые области эмпирических данных, развить объяснительные и предсказательные возможности. Однако бурный рост привел к образованию концептуальных разрывов в когда-то достаточно хорошо взаимосвязанном социогуманитарном знании и сделал затруднительным переход между понятийными системами, сформировавшимися в обособившихся науках.

Конкретизируя сказанное, необходимо отметить, что, безусловно, социологический, исторический, экономический анализ всегда опирается на определенное понимание психологии человека. Однако самый простой и потому имеющий большие преимущества теоретический подход состоит в том, чтобы максимально схематизировать поведение человека и к тому же представить

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ, соглашение № 8012.

Продолжение статьи будет опубликовано в одном из следующих номеров журнала.

его в виде константы, т.е. независимым от социально-культурных условий. Этот подход и стал основным орудием, например, экономической науки в тот период, когда в ней начался бурный рост точных моделей. Так, модели равновесия рынка исходят из определенного, очень схематичного и не предполагающего изменений понимания человека, которое, однако, позволяет красиво и точно описать равновесие системы, состоящей из множества людей. Логика такого подхода понятна, поскольку изменение поведения человека как элемента системы общества ведет к изменению закономерностей функционирования этого общества, что крайне усложняет моделирование. Более того, этот подход, вероятно, нужен в тот период, когда возникает необходимость переходить к точному моделированию. Однако в какой-то момент обнаруживаются границы объяснительных возможностей такого подхода, поскольку, принимая психику за константу, исследователь отказывается от понимания того, что существуют факты, говорящие о связи психологических характеристик с социальными и экономическими достижениями. Представляется, что сегодня настал такой момент обнаружения границ применимости этого подхода. С одной стороны, как отмечалось в первой части статьи, события в ряде стран мира, в том числе России, потребовали теоретического осмысления роли менталитета в общественных процессах. С другой стороны, рост кросскультурных исследований привел к обнаружению целых пластов фактов, сигнализирующих о том, что описанные психологами феномены тесно связаны с жизнью общества.

Использование чрезмерно упрощенных образов человека в социальных науках не только не позволяет на должном уровне осмыслить обширную фактологию, касающуюся роли психологических переменных в жизни общества, но и перекрывает каналы поступления потоков информации от психологии к социальным наукам, затрудняя ее использование для решения проблем общества. Психологические исследования работают на совсем другие образы человека, которые, не находя применения в моделях социально-экономических явлений, оказываются недооцененными в социальных науках и теряют тем самым часть своего практического потенциала. Таким образом, ключевая задача на пути понимания роли менталитета в общественных процессах и развития сети концептуальных мостов между социальными науками и психологией – *инкорпорировать более сложный и основанный на психологических исследованиях образ человека в социально-экономические модели.*

Со своей стороны и психология склонна пускаться в самостоятельное плавание из-за спе-

цифики своих эмпирических методов. Логика понятийного развития в психологии во многом определяется экспериментальным методом, который позволил ей превратиться в уважаемую науку и приобрести способность достаточно точной проверки предсказаний. Для оценки адекватности экспериментальных гипотез необходимым элементом является вычленение в действительности фрагмента, определяемого взаимодействием ограниченной совокупности переменных, причем преимущественно тех, которые могут быть эмпирически оценены и измерены. В итоге психологическое знание насыщается все более богатыми и тонкими деталями и локальными взаимосвязями, однако удерживать целостное видение контекста, в котором психологические факторы переплетены с социальными (а также, что важно отметить, с биологическими), оказывается очень трудно.

Конечно, психология отнюдь не пренебрегает проблемой социокультурного окружения человека. Уже на заре экспериментальной психологии в работах, вдохновленных французской социологической школой, например у П. Жане, и в отечественной культурно-исторической традиции, восходящей к Л.С. Выготскому, были поставлены вопросы культурных и средовых влияний на психику. Таким образом, к сегодняшнему дню психологическая наука располагает множеством исследований обусловленности психологических свойств различными средовыми переменными. Более новое и, как было показано [6], набирающее силу направление связано с исследованиями корреляций психологических переменных на уровне целых стран с социально-экономическими достижениями. Результаты всех перечисленных исследований ценны, однако дело в другом: *необходимо теоретическое осмысление всего комплекса явлений в целостности как компонентов процесса установления органического соответствия между обществом и психикой людей.*

МОДЕЛЬ ПСИХОСОЦИАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА КАК СПОСОБ ПОСТРОЕНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ ПСИХОЛОГИЕЙ И СОЦИАЛЬНЫМИ НАУКАМИ

На основании проведенного анализа вырисовывается путь наведения концептуальных мостов между социальными науками и психологией, который заключается в создании образа (или модели, что будет употребляться ниже как синоним) человека, адекватного, с одной стороны, для моделей социально-экономических процессов,

а с другой – позволяющего осмысливать психологические процессы личности в их целостности. Логично назвать такой образ *психосоциальным человеком*, поскольку он реализует включение психологических механизмов в модели социальных процессов.

Задача создания модели психосоциального человека является чрезвычайно масштабной, и для ее решения необходимо не только построение системы теоретических конструктов, но и реализация обширной программы эмпирических исследований. Однако без этого невозможно выполнение стратегических задач психологии, о которых идет речь.

Рассмотрим требования к образу психосоциального человека. Из проведенного выше анализа можно извлечь четыре наиболее общих и взаимосвязанных их пункта, которые составляют *схему* психосоциального человека.

Во-первых, психосоциальный человек должен быть представлен не как постоянный и неизменный во все исторические моменты и в любой точке земного шара, а как принимающий различные состояния.

Во-вторых, различные состояния психосоциального человека находятся во взаимодействии с разными социальными институтами: соответствуют им или конфликтуют. В случае соответствия психосоциальный человек действует по правилам институтов, а также содействует их становлению. В случае несоответствия он в большей или меньшей мере им сопротивляется. Исходя из этого тезиса, принимаемые психосоциальным человеком состояния в первом приближении могут быть описаны как задаваемые ценностями. Ценностные состояния человека являются основанием для того, чтобы он принял или отверг общественные институты, способствовал или препятствовал их деятельности.

В-третьих, состояния, принимаемые психосоциальным человеком, зависят от социальной и культурной среды.

В-четвертых, состояния психосоциального человека подчиняются внутренним закономерностям, преломляющим средовые влияния, что придает им определенную устойчивость и способность сопротивляться внешним воздействиям. Психосоциальный человек, таким образом, не является простым транслятором входящих сигналов на выход.

Представляется, что так понимаемый психосоциальный человек может быть эффективным средством наведения концептуальных мостов

между общественными науками и психологией, поскольку в случае использования этого образа психологические явления встраиваются в социально-экономические процессы как нередуцируемые. Психосоциальный человек может быть адекватным идеальным объектом для осмысления феноменов связи психологических факторов с социально-экономическими, поскольку задает описание человеческого менталитета как меняющегося со временем, но тем не менее имеющего свои закономерности и устойчивые состояния, выход из которых сопряжен с необходимостью совершения работы.

Предложенная *схема задает минимальный уровень сложности*, который необходим для того, чтобы подвергнуть анализу роль менталитета в общественных процессах. При более примитивном описании человек остается простым элементом системы, реализующим внешние для него исторические, социальные и экономические закономерности. Предлагаемый образ рисует человека как субъекта общественных процессов, активного, стремящегося и страдающего. Решить поставленную проблему включения менталитета в картину социальных взаимодействий позволяет только образ человека, восприимчивого к влияниям внешней среды, преломляющего их через свою систему убеждений. Психосоциальный человек является сильным упрощением, абстракцией, необходимой для понимания механизмов общественных изменений, однако он уже радуется, страдает, думает о смысле жизни, испытывает счастье и душевные кризисы и т.д. Трансформации общества, идущие вразрез с менталитетом населения, порождают переживания, страдания и кризисы, энергия которых в свою очередь противостоит воле реформирующих сил. Возможно, осознание объема различных чувств даст дополнительные реперные целевые точки реформаторам, увлеченным переменными типа контроля дежной эмиссии.

В целом требования со стороны социальных наук сводятся к упрощению схемы психосоциального человека для возможности ее включения в качестве элемента в модели социальных процессов, а со стороны психологии – к усложнению ее для придания большей реалистичности и соответствия многообразию эмпирии. С позиции психологии главное пожелание к создаваемому образу человека состоит в его соответствии экспериментальным данным, по крайней мере – наиболее существенным из экспериментально установленных фактов. Это, конечно же, очень сложно выполнимое условие, учитывая богатство

и многообразие накопленных экспериментальной психологией данных. Такое напряжение в системе требований, противоречие между сухостью теории и многообразием жизни задает, как представляется, эвристичность ситуации, где разнообразие фактов должно быть подведено под простые закономерности.

ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ МОДЕЛИ ПСИХОСОЦИАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА

Теперь схему психосоциального человека следует наполнить психологическим содержанием. Задача разработки образа психосоциального человека необычна для современной психологии, которая чаще занимается локальными исследованиями, дающими точные эмпирические результаты, поэтому для ее решения требуются нестандартные подходы. Предлагаемый же нами подход состоит в том, что схема психосоциального человека через анализ и интерпретацию накопленных наукой локальных психологических моделей разворачивается в систему принципов, которая может служить основанием для функционирования модели психосоциального человека. Из выросших в экспериментальных исследованиях психологических моделей извлекаются описания движущих сил поведения с последующим анализом в контексте предложенной схемы психосоциального человека, то есть в связи с процессами приобретения или потери устойчивого состояния ценностными системами личности.

Таким образом, в рамках предлагаемого подхода психосоциальный человек — это метамодель, которая не проходит непосредственную верификацию относительно экспериментальных данных, поскольку слишком сложна для этого и релевантна таким масштабам (человеческой жизни и социальных изменений), которые не удается зафиксировать в лабораторном эксперименте. Метамодель психосоциального человека, однако, должна отвечать жестким требованиям, с одной стороны, возможности фигурировать в качестве агента социальных моделей, а с другой — хорошо соответствовать экспериментально обоснованным локальным психологическим моделям.

Схема психосоциального человека может иметь разное наполнение в зависимости от ситуаций и исторических условий. Другими словами, модель психосоциального человека следует рассматривать как открытую, не стремясь описать раз и навсегда заданные механизмы поддержания устойчивости ее внутренних состояний и средовых влияний на это равновесие. Человек и общество —

системы колоссальной сложности, поэтому понимание конкретной ситуации основано на том, что в ней можно пренебречь какими-то менее важными на данный момент элементами.

В связи с этим в рамках предлагаемого подхода модель психосоциального человека основана на открытой системе принципов, которые в разных сочетаниях могут использоваться для описания конкретных ситуаций взаимодействия менталитета и социальной ситуации. Ниже излагаются *принципы*, которые предлагается включить в эту систему.

Целостность смысловой системы. Впервые понятие о психической целостности было систематически разработано в рамках гештальтпсихологии, что во многом вдохновило системный подход в отечественной психологии [14]. Г. Хакен показал, что гештальтистские феномены могут быть формально описаны на языке синергетики [25]. Феномены целостности на уровне личности зафиксированы на протяжении более чем полувека во множестве исследований, прототипически для которых стали работы Л. Фестингера по когнитивному диссонансу.

Для социопсихологического человека принцип целостности означает наличие корреляций между его установками (аттитудами), отношениями и схемами действия. Без целостности нет *ценностной системы*. Однако целостность задает и устойчивость ценностей в той мере, в какой изменение одного из компонентов в связанной системе отношений, установок и действий предполагает возникновение его рассогласования с другими (когнитивного диссонанса). Например, убеждение человека относительно того, что представляют собой российские реформы 1990-х гг., влияет на его оценку современных политиков, высказывающихся на эту тему, а также на его практические действия. Если предположить, что это отношение у человека по каким-либо причинам меняется, то это будет оказывать давление и на другие отношения и установки этого человека.

Таким образом, принцип целостности, вычлениваемый при анализе многих психологических моделей, задает стремление психосоциального человека к возникновению устойчивых состояний, поскольку апеллирует к связности элементов ценностной системы.

Абсолютная точка отсчета целостности смысловой системы. Поддержание целостности ценностной системы происходит вокруг абсолютной точки отсчета, то есть психологического центра, относительно которого достигается цель добиться его наибольшего соответствия позитивным ценностям. Во многих случаях таким центром

является собственное Я, и тогда принцип обозначает силу, направленную на создание благоприятной Я-концепции. Однако возможна идентификация и с другим человеком. В реальной (современной) жизни таковой бывает идентификация с близким человеком, например, ребенком. Возможна идентификация с героем произведения. Возможна также идентификация с социальными группами или институтами, например, спортивной командой, фирмой, своей страной.

Существование абсолютной точки отсчета в сочетании с принципом целостности развивают тенденции движения к равновесному состоянию. Я, люди и группы, с которыми произошло отождествление, уже связаны с определенными событиями, поступками, оценками. Разрыв этих связей возможен только в случае той или иной формы отречения от прошлого. Иначе человек остается привязанным к ранее сформировавшейся у него ценностной системе.

Наличие психологического центра, поддержание соответствия которого позитивным ценностям является целью, заряжает энергией систему ценностей, поскольку динамика является двунаправленной: как движение психологического центра (часто — Я-концепции) в сторону ценностей (что сопряжено с изменением поведения), так и движение ценностей в сторону Я-концепции.

Динамическое равновесие действий и смыслов имеет две стороны. С одной стороны, человек узнает о себе через свое действие. Именно совершенные им поступки служат основанием для суждения о нем как другими, так и им самим. В этом смысле качественная определенность свойств человека формируется только в результате его действий. Эта часть положения практически реализует ту сторону деятельностного подхода, которая от И. Фихте через Г. Гегеля и К. Маркса пришла в отечественную психологию [11, с. 264–280]. С другой стороны, действия человека в целом строятся в рамках его смысловой системы, однако на них сильно влияют и ситуативные факторы [18]. В результате сочетания первой и второй характеристик те особенности действия, которые произошли под воздействием ситуации, приписываются людьми себе, откуда происходит искажение представления человека о себе, используемое многими техниками влияния².

Фактически этот принцип является продолжением и расшифровкой двух предыдущих, поскольку уточняет, каким именно образом оценивается Я и осуществляется связь между установками и отношениями, с одной стороны, и действиями субъекта, с другой. Таким образом, все три первых принципа позволяют понять, почему психосоциальный человек имеет тенденцию к сохранению существующих ценностных состояний.

Система формирования поведения за счет социального научения. Наибольшие заслуги в исследовании социального научения принадлежат представителям американской психологии (Б. Скиннер, А. Бандура и др.). Ими показаны различные формы социального научения, происходящие за счет как подкрепления собственных действий субъекта, так и вследствие наблюдения за ситуациями, случающимися с другими. Включение механизмов социального научения в модель психосоциального человека позволяет понять связь установок и отношений субъекта с правилами, царящими в окружающем его мире. Установки и отношения, реализуемые в поведении при столкновении с внешним миром, приносят человеку удовлетворение или горечь, а социальное научение образует комплекс психологических сил, направленных на приспособление линии поведения к окружающему миру. Эти силы в соответствии с принципом целостности могут встречать сопротивление со стороны установок и отношений, но вместе с тем и влиять на них со своей стороны.

Таким образом, этот принцип по своей роли в процессах психосоциального человека отличается от трех предыдущих. Через процессы социального научения внешний мир влияет на поведение человека, а значит — опосредованно и на ценностную систему. В то же время образ жизни человека в современном обществе во многом связан с произвольным выбором им ситуаций, в которых он участвует. Офисный работник, ученый, религиозный человек или бонвиван — это современные персонажи с различным образом жизни, каждый из которых должен поддерживаться системой установок, отношений и схем поведения и влиять на них. Однако выбор социальной микросреды во многом остается за самим человеком и производится на основании его ценностей. Следовательно, система установок и образ жизни формируют положительную обратную связь, которая ведет к устойчивому состоянию. Но это устойчивое состояние возможно до того момента, пока в обществе допускается существование определенной микросреды и соответствующей ей специфической ниши. Социальные изменения приводят

² Например, техника влияния “нога в двери”: люди склонны охотнее помогать тем, кому уже когда-то помогли [7]: совершив акт помощи кому-то, люди думают о самих себе как склонных помогать этому человеку и дальше начинают последовательно себя вести в соответствии с этим мнением (ср. с принципом целостности).

к реформированию возможных ниш, и тогда под давлением оказываются некоторые варианты образа жизни и соответствующие им виды поведения, а в результате этого – установки и отношения. На основании сказанного можно заключить, что социальное научение выступает в структуре психосоциального человека одним из каналов, через который социальные изменения влияют на поведение и ценности.

Символические системы и смысловая сфера. Хотя по соображениям последовательности изложения материала этот принцип поставлен в перечислении на пятое место, его значение огромно. Дело в том, что связь установок, отношений и действий в целостную систему, описанная первым принципом, является смысловой. Например, связь убеждения “Я справедливый” с поступком, направленным, предположим, на отказ от чрезмерного вознаграждения, опосредована пониманием смысла справедливости и оценкой получения чрезмерного вознаграждения как несправедливого. Следовательно, характер смысловой системы неизбежно определяет условия равновесия системы ценностей.

Смысловые сферы и механизмы социального научения с разных сторон оказывают влияние на установки и отношения человека. Иногда между первым и вторым существует противодействие, как, например, в случае, когда человек, склоняемый логикой размышления к отвержению некоторой идеологии, по практическим соображениям получает выгоду от сотрудничества с представителями этой идеологии. При этом следование первой линии (отвержение) может быть охарактеризовано как основанное на принципах, а второе (принятие) – как беспринципное. Этим в модели психосоциального человека в соответствии с кантианской линией вводится представление о *нравственном поведении как основанном на принципах*.

При этом психологии известно множество случаев, когда происходит обратное влияние подкрепляемых ситуацией интересов на смысловую систему, даже деформация последней под влиянием первых.

Кроме того, в смысловой сфере происходит *активная работа человека* по постижению новых смыслов, которая приводит к его духовному росту и обогащению культуры. Благодаря смысловому единству человек предстает не только социальным, но и *культурным* существом.

Смысловая сфера тесно связана с символической. Человек живет в окружении систем симво-

лов, в большой степени – языковых. Символическое окружение влияет на ценностную систему различными путями. Символические системы содержат описания сценариев и возможных вариантов поступков, чувств, ценностных позиций, которые индивид может включить в свой репертуар. Усваивая культуру, человек может присвоить себе различные способы поведения, изобретенные и испытанные другими людьми. Еще один путь влияния символической системы на ценности заключается в придании положительного притяжения одним социальным образам и отрицательного – другим за счет связывания их с соответствующими социальными образцами.

Этот принцип дополняет предыдущие тем, что показывает обусловленность поведения психосоциального человека окружающими его символическими системами. Однако эта обусловленность не является непосредственной. Готовность принимать символические ценности заранее определяется присутствующими смыслами индивида. Например, восприятие человека как авторитетного зависит от близости его взглядов и взглядов индивида. Авторитет этого человека в свою очередь служит одним из оснований веры в передаваемое им сообщение. Так складывается круг, образующий устойчивое соответствие индивида и той части символической сферы, которая им принимается. То есть формируется фильтр, делающий индивида избирательно чувствительным к одним сторонам убеждающего воздействия в противоположность другим. Это обстоятельство, однако, не означает полной “непробиваемости” индивида для символического сообщения.

Онтогенетическое развитие и прохождение различных этапов жизненного пути. Психосоциальный человек рождается, взрослеет и проходит этапы жизненного пути с детства до старости. Система ценностей формируется в онтогенезе, причем то, что заложено в детстве, в большой степени – семьей и направленной на детей частью символической культуры (сказки, детские рассказы, фильмы и т.д.), становится исходным пунктом для формирования взрослой личности. Особую роль в становлении ценностной сферы играет подростковый период и ранняя взрослость.

Система поведения человека и его установок в целом с возрастом становится более устойчивой: старшие поколения обычно более консервативны, чем младшие. В то же время духовные перевороты порой происходят в зрелом (апостол Павел, Августин) и даже пожилom (Л.Н. Толстой) возрасте, причем наблюдаются в наиболее драматичном и ярком виде.

Стремление к пониманию окружающего мира и рефлексия. Психосоциальный человек стремится к понятности окружающего и испытывает дискомфорт от непонятности и непредсказуемости. На этом свойстве основан ряд иллюзий, установленных в сфере каузальной атрибуции.

Психосоциальный человек стремится к пониманию социального мира и делает выводы из наблюдений за поведением других людей. Поэтому наблюдаемый способ поведения, если он приобретает достаточно массовый характер, начинает рассматриваться им как распространенное правило поведения. Этот механизм, который может быть обозначен как рефлексивный скачок, приводит к резким изменениям поведения групп людей после того, как сформировалась критическая масса индивидов, использующая определенный способ поведения.

* * *

Подведем итоги проведенного выше анализа. Была предложена система принципов, которая расшифровывает схему психосоциального человека, объясняя, что означает внутреннее равновесие его состояний, средовые влияния на эти состояния, преломление внешних влияний через внутренние условия и т.д. Эта расшифровка проведена за счет извлечения закономерностей из различных экспериментально обоснованных за десятилетия работы психологических моделей.

Главное заключается в том, что обогащенная психологическими данными модель сохранила и расшифровала кардинальные особенности психосоциального человека, зафиксированные в его схеме. Психосоциальный человек обладает ценностными состояниями, имеющими свои закономерности, но вместе с тем определяемыми символической и предметно-практической средой. Как будет подробнее показано ниже, ценностные состояния психосоциального человека оказывают влияние на социальные институты.

Предложенная система принципов, конечно, задает очень сложный объект для включения в модели социальных процессов. В то же время этот объект по-прежнему является серьезным упрощением и схематизацией намного более сложного положения дел в реальности, фиксируемого психологическим экспериментом³. Однако

упрощение для анализа тех или иных конкретных ситуаций может быть достигнуто за счет пренебрежения некоторыми малозначащими в данных случаях элементами. Таким путем можно достичь приемлемой сложности объекта для различных ситуаций анализа. Предложенные принципы представляют собой большой набор различных возможностей, из которых можно извлекать закономерности для анализа конкретной ситуации. Используя только часть принципов, можно создавать модели, в которых тем не менее реализуется роль психосоциального человека как активного социального агента.

ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ

Чтобы наглядно продемонстрировать, как функционирует психосоциальный человек, рассмотрим простой пример, который также проявляет связь психологических факторов с функционированием социальных институтов. Допустим, к декану факультета некоего вуза, который в данном случае и является психосоциальным человеком, обращается друг детства и просит поспособствовать поступлению его сына. Вместо декана можно взять директора фирмы, получившего просьбу о приеме на работу; полицейского и просьбу об освобождении от ответственности; военкома; врача и т.д. Очевидно, что в соответствии с правилами функционирования институтов высшего образования декану следует отклонить эту просьбу, а в контексте ценности дружбы – удовлетворить.

На материале этой ситуации можно рассмотреть, во-первых, процессы изменения ценностной системы психосоциального человека под влиянием ситуации, во-вторых, внутренние условия, преломляющие внешние влияния, в-третьих, роль социального человека в формировании социальных институтов. Затронем эти вопросы в указанной последовательности.

Предположим, декан отказал в просьбе. Тогда в соответствии с принципом целостности, оценивая себя через свое действие, он, чтобы не выглядеть в собственных глазах предателем, должен снизить для себя ценность дружбы, что, возмож-

влияния меньшинства. Эти эффекты проявляются, например, в экспериментах, когда, определяя цвет стимула, наивные испытуемые, находящиеся в большинстве, декларировали, что стимул синий, в то время как находящиеся по отношению к ним в меньшинстве ассистенты экспериментатора утверждали, что синий стимул – зеленый. Однако при подстройке спектрометра испытуемые сдвигали цвет в сторону зеленого [31].

³В приведенной системе принципов, например, в эксплицитном виде не присутствует феномен эмоций, хотя в имплицитном виде он предполагается. Также не фигурирует различие сознательных и подсознательных каналов влияния, которые проявляются, например, при эффектах

но, приведет к тому, что он менее охотно будет вспоминать, например, как списывал контрольную у своего друга. Если такого рода инциденты будут повторяться, он, возможно, вообще постарается вытеснить соответствующие воспоминания, не захочет приходить на встречу одноклассников, станет сдержаннее в тостах за дружеским столом и т.д.⁴

Если же декан исполнил просьбу друга, то это в соответствии с теми же принципами позволит ему сохранить в неприкосновенном виде или даже укрепить ценность дружбы, но заставит его проявлять большую моральную терпимость в отношении отклонений от формальных правил функционирования социальных институтов. Конечно, один эпизод не будет иметь решающего значения, но сумма таких эпизодов способна оказать влияние. Тем более, что просьба может, например, касаться племянника жены, и отказ будет означать смену отношений внутри семьи.

Соответственно, если движение произойдет в эту сторону, декан, конечно, будет внешне следовать существующим требованиям, но в отношении попавшегося за аналогичную провинность человека будет, возможно, внутренне осуждать его не столько за сам факт нарушения, сколько за то, что это нарушение обнаружилось. Это составляет маленький шагок в сторону образования системы неформальных "понятий".

Рассмотрим, каковы же внутренние силы, которые будут определять, в какую сторону двинется декан.

Очевидно, что личность декана сложилась в результате истории его развития, и решение будет зависеть от его прошлого опыта: отношений, построенных в родительской семье, школе, институте, на разных местах работы. Если понятие дружбы оказалось связанным с личностно важными событиями и строилось без принципа "табачок врозь", то конкуренция с формальными требованиями будет намного сильнее. Принятию противоположного решения будет содействовать опыт понесенных наказаний, осуждение отклонения от формальных должностных обязанностей среди референтного круга лиц и т.д.

В результате индивидуальной истории развития у декана сложилась определенная система

убеждений. В отношении рассматриваемой ситуации возможны два полюса убеждений, склоняющих к противоположным решениям. На одном полюсе верность, благодарность и дружба рассматриваются как высшая ценность, а предательство – как худший грех. Этот полюс хорошо сочетается с ценностью семьи, где все члены связаны тесными узами и всегда могут надеяться друг на друга. Другой полюс нацелен на возможность быть самому по себе, рассчитывать на свои силы, не просить людей об одолжении, никому не быть обязанным. Семья тоже не абсолютна: людям имеет смысл быть вместе, пока это всех устраивает. Человек, подобно Степному волку Г. Гессе, проходит по жизни, встречая различные ситуации и коллизии, которые нужно разрешать, реализуя себя. Фактически рассмотренные полюса соответствуют коллективизму и индивидуализму. Очевидно, что если убеждения декана близки к коллективистскому полюсу, то это будет способствовать решению помочь другу.

Участие в этой внутренней борьбе могут принимать социальные символы. Так, в советское время символом предпочтения общественного частному, ясно указывавшим, на чьей стороне в этой борьбе государство, был Павлик Морозов. Весьма неоднозначная репутация этого образа у советских граждан была естественной в стране с развитой ценностью принадлежности. Тем не менее общественно разделяемые символы в виде легендарных образов людей, сцен из художественной литературы и фильмов, историй о реальных современных персонажах и т.д. могут оказывать сильное влияние на выбор.

Не имеет смысла перечислять все факторы, вытекающие из изложенных выше принципов функционирования психосоциального человека. Укажем лишь еще, что первостепенное значение будет в рассматриваемом эпизоде также иметь принципиальность, нравственность декана. Вероятно, принципиальное поведение будет заключаться в том, чтобы отвергнуть просьбу друга. Можно предположить, что наш герой из принципиальных соображений не одобряет формальные порядки и ставит дружбу превыше всего. Однако в этом случае он просто не должен был принимать пост декана. Принятие поста с последующим нарушением правил поведения, им предписываемого, представляет собой проявление беспринципности, при котором соображения практической выгоды взяли верх над убеждениями.

Важно подчеркнуть, что психосоциальный человек представляет собой систему с устойчивыми состояниями, а вывод его из одного состояния и

⁴ В принципе допустимы различные возможности разрешения ситуации: например, декан может продолжать охотно встречаться с друзьями, выработав, однако, отношение по принципу "дружба дружбой, а табачок врозь". Во всех случаях, однако, произойдет изменение поведения и идеологии дружеских отношений.

перевод в другое предполагает приложение энергии. Отсюда создается эффект устойчивости менталитета, который присутствует всегда, но может быть более или менее сильным в зависимости от силы психологических связей ценностей, которые приходится преодолевать.

Теперь можно показать, как поведение декана скажется на работе соответствующего социального института и, следовательно, все обсужденные выше психологические факторы приобретут социальное значение. Очевидно, что в этой ситуации декан либо способствует работе социального института в соответствии с его замыслом, либо участвует в формировании системы параллельных правил, в рамках которой реальная практика отличается от декларируемых намерений. Более того, как отмечалось выше, собственный поступок декана в свете описанных принципов поведения психосоциального человека должен привести его и к определенным оценкам чужих поступков. Осуществив поддержку друга вопреки служебным обязанностям, он должен будет толерантнее относиться к аналогичным поступкам других лиц. Сознывая всю формальную необходимость правил и возможность наказания за их невыполнение, он тем не менее в результате произошедшего события чуть-чуть склонится в сторону того, чтобы не считать сильно непорядочными (или даже считать весьма порядочными) тех, кто, уступая дружеским узам, несколько отходит от формальных правил исполнения должностных обязанностей. В связи с этим, выполняя общественные функции контроля, например, входя в соответствующие комиссии, этот декан не будет яростным защитником правил, декларируемых относительно работы институтов высшего образования, и не будет иметь внутренней цели добиваться их неукоснительного выполнения. Конечно, он может выполнять функции в комиссиях, но за страх, а не за совесть. При переводе описанной ситуации в массовый масштаб складывается картина нежелания людей поддерживать работу установленных правил, которая преодолевается лишь волей сверху. Эта система не может быть эффективной, о чем речь более подробно пойдет ниже, и неизбежно приводит к образованию параллельных неписаных правил. Без соответствующей поддержки менталитета очень трудно заставить реально работать задаваемые правила.

Можно возразить, что изменение социальных институтов оказывается эффективным методом воздействия на менталитет. В самом деле, если декан вынужден, подчиняясь должностным требованиям, постоянно отказывать друзьям в их

просьбах, в соответствии с обозначенными механизмами это влияет на его систему ценностей. Однако проблема в том, что изменение менталитета занимает много времени, а принимаемые здесь и теперь решения основываются на наличной системе ценностей людей. Поэтому лобовая попытка ввести новую систему правил тормозится менталитетом еще до того, как сумеет оказать на него достаточное воздействие.

Психосоциальный человек живет в среде, которая содержит конфликтующие социальные институты. Конфликт заключается в том, что институты диктуют разные правила поведения в одной и той же ситуации. Однако исход этой борьбы не может быть предсказан без участия психологии, поскольку поле борьбы в этом случае – человеческая душа.

ВЗАИМНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗАДАЧ, СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ И МЕНТАЛИТЕТА

Сегодня для социогуманитарных наук очевидно, что различные социальные институты основываются на определенных моделях человеческого поведения. При смене институтов необходимо и изменение моделей поведения. Так, поведение определенной части населения, соответствующее рыцарским идеалам, было, по-видимому, эффективным способом обеспечения функционирования феодального общества на определенном этапе, но уже в XV в. в борьбе Карла Бургундского и Людовика XI, по мнению Т.Н. Грановского, столкнулись два типа личности – средневековая, рыцарская и вновь нарождающаяся, намного более циничная; причем успех был на стороне второй [3]. В конце XVI в., когда по воле М. Сервантеса жил его герой дон Кихот, поведение, соответствующее рыцарским идеалам, было помехой для нормального поддержания общественных порядков, а в XX в. поведение времен М. Сервантеса в свою очередь не вполне отвечало общественным институтам, и Пьер Минар, герой эссе Х. Борхеса, переписывая дословно “Дона Кихота”, вкладывает в него другой смысл.

Однако менталитет отнюдь не всегда покорно следует за социальными институтами. Так, кровная месть – успешный и широко практикуемый способ поддержания порядка в обществе, где нет действенной правоохранительной системы. Кровная месть опирается на целую систему психологических механизмов, которые продолжают действовать и тогда, когда она превращается в тормоз

при переходе к обществу с развитой правоохранительной системой, что например, произошло с корсиканской вендеттой после включения острова в состав Франции. Это механизмы самоидентификации, дополненные семейными и групповыми преданиями, подкрепляемые референтной группой и т.д. Идея мести за родственника или друга подкрепляется ореолом героизма и верности, готовности рисковать и выступать против общего врага. Эти идеи с удовольствием усваиваются подростками, становятся важной частью их идентичности, а попытки общества ввести более прогрессивную регуляцию наталкиваются на сопротивление. В результате и в наши дни убийство из мести авиадиспетчера, виновного в гибели самолета, было восторженно встречено земляками осужденного.

Принципиально важно подчеркнуть, что психологические механизмы *устойчиво воспроизводятся и после того, как отпадает необходимость в социальных институтах*, которые на них основывались. Более того, они продолжают работать даже тогда, когда основанные на них поступки юридически расцениваются как преступления, что происходит в случае кровной мести. Сказанное можно интерпретировать как *наличие у системы установок личности устойчивых состояний, для вывода системы из которых необходимо приложить энергию*. Именно этот *устойчивый характер менталитета делает его отдельной силой, несводимой к социальным институтам*. В контексте введенного понятия психосоциального человека устойчивость менталитета находит свое место в теории.

Динамику менталитета и социальных институтов, однако, нельзя анализировать только само по себе, необходимо обратиться к третьей категории – решению задач – и представить человека как *субъекта решения задач, встающих в социально-экономической жизни*. Посеять хлеб, выточить деталь на станке, спроектировать техническое устройство, управлять коллективом или вести переговоры – все это задачи, которые приходится решать людям и от которых зависят достижения общества. Социально-экономическая жизнь ставит индивидов, живущих в конкретное историческое время в каком-либо обществе, перед определенным репертуаром типических задач, успешность решения которых обеспечивает большее или меньшее социальное и экономическое преуспевание.

Характер решаемых задач зависит от многих факторов, включая производительные силы, географию, климат и т.п. Хотя идея о связи нацио-

нального характера с географией имеет давние традиции, а в последние десятилетия даже установлены корреляции такого рода, все же она вызывает серьезные сомнения. Более того, такие связи с позиции сказанного должны пониматься не непосредственно, а в контексте решаемых задач как опосредующего фактора. Так, заливное земледелие, ставшее возможным в определенных географических местах, а именно на затопляемых территориях, привело, как считается, к образованию крупных земледельческих обществ с их специфическими социальными институтами и менталитетом за счет того, что встала необходимость совместных действий многих людей для регуляции процессов орошения. Географические соображения относительно условий формирования российского менталитета также порой выдвигаются. При этом внимание в основном обращается на большую зависимость от переменчивых внешних условий, которая могла сформировать фаталистический характер человека. Так, указывается, что величина урожая в России может изменяться в 6–7 раз, а в Европе в 1.5–2 раза [2], как и вероятность крупных пожаров [10].

Взаимодействие решаемых обществом задач, институтов и менталитета не поддается описанию линейными моделями, но может быть представлено в виде сценариев нарушения и восстановления их согласованности. Один из наиболее стимулирующих развитие общества сценариев фактически описан А. Тойнби под названием “вызов-ответ”. Это механизм, действие которого в истории человечества, по мнению британского историка, привело к генезису цивилизаций. Он состоит в том, что внешние обстоятельства ставят трудные проблемы, успешно решая которые, люди создают мощные и жизнеспособные общества, подобно тому, как засуха после окончания ледникового периода побудила египтян и шумеров превратить своим трудом пустыню в плодородные почвы, создав при этом великие цивилизации древности [21]. “Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние... исторические примеры показывают, что слишком хорошие условия, как правило, поощряют возврат к природе, прекращение всякого роста” [21, с. 119–120]. И далее он обсуждает варианты вызовов, включая суровую природу, удары врагов, миграцию для освоения новых территорий, необходимость “форпостам” выдерживать давление и т.д. Слишком сильный вызов, однако, способен просто стереть общество с лица Земли.

Сценариев взаимодействия решаемых обществом задач, институтов и менталитета может быть много. Представляется интересным описать их в рамках исторической науки. В контексте статьи следует остановиться на том, что характеризует современное состояние нашей страны.

В то время как, например, культура стран Западной Европы и их общественные институты выросли в результате длительной исторической эволюции, наша страна на протяжении XX века пережила два сильнейших потрясения, которые оба раза не были настолько постепенными и эволюционными, чтобы создаваемые социальные и экономические институты и правила поведения логично выросли в соответствии с менталитетом. Модели поведения, оптимальные для социалистического общества, очевидным образом не соответствуют моделям, оптимальным в условиях рынка и современной демократии. Взаимное приспособление социальных институтов и менталитета – естественный процесс, требующий длительной “притирки” и эволюции. При отсутствии этих условий в нем образуются точки напряжения и противоречия.

В результате в стране сложилась ситуация, когда ни менталитет не был готов в достаточной степени к принятию новых социальных институтов (например, внедрение социальных институтов по типу Западной Европы или Северной Америки не приводит к аналогичным результатам), ни идеи социального развития не предлагали новых правил для решения стоящих перед обществом задач, соответствующих менталитету. В таких случаях поведение людей отклоняется от предписанных институтами норм, и в обществе вступает в действие система *параллельных* правил. Эти правила не удовлетворяют нормам, поэтому не могут быть официализированы. При этом развивается неодобряемое поведение людей, что приводит к симптомам морального разложения, демагогии и двуличности, недовольству населения и понижающейся конкурентоспособности в результате снижения способности справляться с возникающими задачами. Данная ситуация удачно описана известным отечественным социологом Ж.Т. Тощенко в виде “кентавр-проблемы” [22].

Опасность заключается в том, что образуется устойчивое равновесие, которое направлено на поддержание морально не одобряемого и неэффективного состояния. Экономисты, описывая период раннего постсоветского развития российского общества, показали, что восстановление Вальрасового равновесия не происходит ни быс-

тро, ни автоматически. Более того, оно может осуществляться по разным траекториям, причем существует опасность попадания в “ловушки” устойчивого, но неэффективного состояния [17].

Проблема этой ситуации заключается в том, что неизвестны рецепты изменений институтов, помимо заимствований известных по практике более успешных стран. Методов анализа, которые бы исследовали не просто институты, но и условия их функционирования со стороны менталитета, не находится.

Объективная проблема заключается в том, что гораздо проще описать и внедрить функционирование институтов, чем отвечающий им менталитет. Институты и существуют для того и за счет того, что правила их функционирования могут выполняться людьми и, следовательно, должны достаточно легко поддаваться описанию. Для того же чтобы осознать, что позволяет людям выполнять эти правила, нужна *психологическая рефлексия*. Заимствовать социальные институты – непростая задача, однако не удастся заимствовать менталитет, способный запускать эти институты и обеспечивать их деятельность. Именно в этом плане встает задача проектирования *специальных психологических технологий*, которые сами бы оказались частью социального процесса, то есть выступили *механизмом нахождения соответствия* менталитета и социальной организации.

Из сказанного определяется круг важных для психологии задач в решении проблем общества. Более того, очевидно, что для российской психологии эти задачи особенно актуальны. В самом общем плане можно утверждать, что социальные науки составляют в современном обществе неотъемлемую часть того механизма, который совершенствует социальные институты для решения встающих перед обществом задач. *Несо согласованность между психологией людей и устройством жизни общества образует то пространство, содержание которого составляет стратегическую задачу психологии.*

ЗОНАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

Теперь можно предложить ответ на вопрос о детерминационной связи социальных процессов и менталитета, который, как было показано в первой части статьи, не удастся получить эмпирическим исследованием с опорой на предшествование

во времени и путевой анализ. Ответ заключается в том, что обсуждаемая детерминационная связь своеобразна. Менталитет, социальные институты и характер решаемых задач составляют триаду, согласованность внутри которой обеспечивает эффективность деятельности общества и устойчивость как институтов, так и менталитета. Рассогласование в этой триаде порождает недовольство в обществе, которое понижает его устойчивость. Поэтому не имеет смысла искать прямую психологическую детерминацию социальных явлений или социальные причины психологических. И те, и другие могут описываться в рамках собственных нередуцируемых зависимостей, составлять предметы несводимых друг к другу наук. Социальные процессы имеют свои причинные взаимосвязи, но условием их осуществления является человек. Другой менталитет людей означает иные социальные закономерности. Свои закономерности имеют и психические процессы, однако они также меняются под воздействием условий, задаваемых особенностями социальной жизни. Наконец, менталитет влияет на эффективность решения социально-экономических задач, но связь опосредована характером этих задач и социальными институтами, в рамках которых они решаются.

Этот подход соответствует эмпирическим данным психологии, в частности тем, что были получены сотрудниками Института психологии РАН, исследовавшими в конце 1980-х – начале 1990-х гг. уникальную ситуацию трансформации социально-психологической динамики на предприятиях в условиях резких социально-экономических изменений [16, 26]. Было показано наличие различных “зон взаимодействия” социально-экономических и социально-психологических факторов [5]. В некоторых случаях наблюдалось непосредственное воздействие социально-экономических изменений (например, смены форм и отношений собственности) на социально-психологическую динамику. Однако в других “зонах” социально-психологические (личностные и групповые) феномены полностью нейтрализовали социально-экономические изменения или определяющим образом воздействовали на них. Были также выявлены зоны влияния обеих групп факторов.

ОБЩИЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

Учет психологических факторов не может не вести к важным переменам в общих мировоззренческих взглядах на человеческое общество.

Во-первых, психологические переменные усложняют структуру равновесия и делают ее многовариантной. Во-вторых, психологические переменные, по крайней мере, до настоящего времени меньше всего поддаются управлению.

Важно соотнести предлагаемый подход с проблемой общих или специфических путей различных стран в современном мире. Один из подходов рисует модернизацию как линейный процесс, при котором слаборазвитые страны направляются к тем высотам, которые уже достигнуты наиболее прогрессивными, а именно западными странами. Из этого подхода следует, что существуют оптимальные культурные ценности, с которыми связано социально-экономическое процветание. Это ценности наиболее развитых стран, и модернизация развивающихся сопряжена с приобретением аналогичных ценностей. В рамках этой схемы интерпретация корреляционных связей между ценностными ориентациями и социально-экономическими показателями стран оказывается механической, при этом не столь важно, что выставляется в качестве первичного – социально-экономическое развитие или ценности.

Из логики однолинейного развития вырастает определенная политика, которая нередко проводится развитыми странами и состоит в том, что приветствуется внедрение в развивающихся странах институтов более-менее похожих на западные.

Альтернативой является многовариантная теория модернизации, которая предполагает *различные пути движения стран* к большей эффективности.

Обе точки зрения находят определенные эмпирические основания. Так, на протяжении двух последних десятилетий XX в. наблюдалась преобладающая тенденция эволюции ценностей в разных странах мира в том направлении, которое задано наиболее развитыми в социально-экономическом отношении странами. Скорость этого дрейфа была больше у более богатых стран [9]. Все эти факты хорошо укладываются в теорию однолинейной модернизации. Логическим завершением ее являются представления о конце истории, идущие от Г. Гегеля и нашедшие современное политологическое выражение у Ф. Фукуямы.

Одновременно, в том числе и по данным тех же авторов [9], разнообразие ценностей в мире за два десятилетия не проявило никакой тенденции к уменьшению. Ценностные различия между населением разных стран остаются стабильными на протяжении больших промежутков времени [15, 29].

В рамках изложенной позиции вопрос сводится к тому, существует ли для решения задач, встающих перед обществом на определенном этапе, один оптимальный способ решения в виде сочетания общественных институтов и менталитета, к которому и приблизились наиболее развитые страны. Твердых оснований считать, что такой оптимум существует и достигнут, не обнаружено. Более того, такие феномены, как появление японских предприятий, превосходящих американские и организованных по-другому, представляют собой фактические аргументы против представления о достижении некоего оптимума западными странами. Так, например, семейство Тойота сумело создать автомобильный концерн на принципах “поджарого производства” и превзойти в 2–3 раза по производительности труда западные предприятия, следовавшие заветам Г. Форда.

Объяснение того факта, что слаборазвитые страны движутся в одном направлении и таком же, в котором уже пошли развитые страны, может заключаться в отсутствии интеллектуальной альтернативы, сформулированной социальными науками.

Это означает, что анализ должен проводиться на конкретном уровне с разбором ситуации решения задач, а не только с опорой на корреляционные связи. Возможно, траектория движения стран в какой-то момент проходит по широкой дороге, где кто-то идет по центру, кто-то – по левой или правой обочине, а то и зигзагами. Однако можно представить и другую метафору: расходящиеся тропинки, которые порой опять встречаются.

ЖИЗНЬ КАК РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ: ПУТИ ВЛИЯНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Из проведенного анализа видно, как социальные факторы определяют поведение психосоциального человека. Однако остается непроработанным вопрос о том, как поведение психосоциального человека влияет на достижения общества. Изложенная выше схема предполагает, что психологические факторы совместно с социальными институтами определяют эффективность решения стоящих перед обществом задач. Рассмотрим этот вопрос подробнее, для чего различим несколько уровней общественного решения задач: индивидуальный, уровень малых групп и уровень больших групп.

Индивидуальный уровень. Индивидуальный уровень является абстракцией, поскольку любое

индивидуальное решение задач в конечном счете включено в общественное разделение труда. Затворническая работа Г. Перельмана по доказательству теоремы А. Пуанкаре стала возможной в результате изучения математики и может быть использована другими математиками. Абстракция индивидуального уровня означает лишь выделение факторов, которые определяют эффективность труда отдельно взятого человека. Однако факторы индивидуального уровня, если они систематически действуют в обществе, воздействуют на результаты всего общества.

Результаты индивидуального решения задач людьми в экономике и социальной жизни вариabельны. Даже в результатах физического труда наблюдаются различия. В Советском Союзе был фактически поставлен эксперимент на эту тему, получивший название стахановского движения, на основании анализа которого можно прийти к выводу о том, что такой физически сильный и умелый шахтер, как Стаханов, возможно, превосходил по производительности труда среднего рабочего в 2–3 раза [23].

В сфере же интеллектуальной и духовной вариabельность результативности столь велика, что численность отстает перед индивидуальностью. Согласно закону Прайса [32], половина всех произведений в данной области создается группой, численность которой равна корню квадратному из общего числа членов в данном сообществе. Например, если классический музыкальный репертуар образован произведениями примерно 250 композиторов, то половина этого репертуара принадлежит корню квадратному из 250, т.е. полтора десятка лучших оказываются в среднем примерно в 15 раз продуктивнее остальных двухсот с лишним тоже очень талантливых композиторов [30].

В то же время творческий, интеллектуальный труд является наиболее важным источником прогресса общества. Именно интеллектуальные инновации преобразуют экономику и социальную жизнь. Таким образом, оказывается, что продуктивная деятельность небольшого количества высокоодаренных творцов вносит огромный вклад в развитие общества [23, 24].

Из сказанного следует, что психология может оказывать существенное позитивное влияние на индивидуальный уровень решения задач, а значит – решать стратегические задачи общества, увеличив возможности самореализации людей с высоким потенциалом.

Социокультурная атмосфера может в большей или меньшей степени стимулировать человека к

напряженному труду в той или иной области. Таким образом, психосоциальный человек выступает и на индивидуальном уровне тем фактором, который влияет на достижения, хотя, конечно, кульминация этого влияния приходится на групповой уровень.

Влияние социума на достижения проявляется и на этом уровне, например, через *мотивацию*. Мотивация достижения является конструктом, важность которого в экономике государств может быть объяснена влиянием на решение задач на индивидуальном уровне. В отличие от интеллекта, который облегчает отыскание средств решения задач, мотивация достижения увеличивает настойчивость в их решении. В результате мотивация достижения влияет на успех в профессиях, где наиболее существенную роль играет борьба и преодоление, например, в предпринимательстве больше, чем в науке.

На основании перечисленного выше возникает вопрос о том, можно ли средствами психологии добиться повышения эффективности на уровне индивидуального решения задач. Речь об этом более подробно пойдет в следующей части статьи, однако уже здесь следует отметить, что, хотя интеллект трудно поддается развитию, некогнитивные факторы оказываются значительно более богатой материальной основой, через которую стимуляция индивидуальных достижений вполне реальна.

Уровень малых групп. В исследовании, относительно недавно опубликованном в высокоавторитетном журнале *Science*, было показано, что существует своего рода “коллективный интеллект”, который выражается в способности малой группы совместно решать различные задачи [34]. Испытуемые группами от 2 до 5 человек решали различные задачи: проходили матричные тесты, рассуждали на моральные темы, проводили совместное планирование, играли в видеоигру и т.д. Было показано, что на этих данных выделяется четкий генеральный фактор, т.е. те группы, которые успешнее других решают одни задачи, успешнее решают и оставшиеся. Что еще важнее, успешность группового решения не очень сильно зависела от среднего интеллекта членов группы ($r = 0.15$), а также от максимального показателя интеллекта в группе ($r = 0.19$). При этом выявились другие факторы, которые оказывают на коллективный интеллект большее влияние, чем индивидуальный. Таким фактором оказалась прежде всего “*социальная сензитивность*” членов группы, т.е. фактически *эмоциональный интеллект*.

Таким образом, уже на уровне малых групп факторы, определяющие успешность решения за-

дач, существенно отличаются от индивидуального уровня. На уровне больших социальных групп различия еще больше.

Уровень больших социальных групп. Бонапарт, подводя итоги своей египетской кампании, говорил, что два мамелюка (египетских рыцаря) сильнее трех французов, но 100 французов не побегут перед 100 мамелюками, у 300 французов будет преимущество перед 300 мамелюками, а 1000 французов наверное побьют 1500 мамелюков [19, с. 27]. Крупный отечественный историк военного искусства генерал А.А. Свечин считал также, что, например, галлы на поле боя превосходили римлян, но победы Цезаря были обусловлены преимуществами *организации*. Конечно, военное дело имеет свою специфику. Однако и в общем случае решение задач большими группами определяется не только мастерством индивидов, но и характером их взаимодействия. Это взаимодействие может вести к синергии и большим возможностям коллективов по сравнению с суммой индивидов. В то же время уровень больших групп приводит и к колоссальным потерям производительности общественных сил.

Экономистами введено понятие трансакционных издержек, которое обозначает затраты на сделки экономических агентов и связано с ограниченной рациональностью людей, т.е. фактически их недостаточным когнитивным функционированием, а также стремлением к выгоде, доходящим до готовности обмана. При этом, например, объем трансакционного сектора в экономике США к моменту кризиса 2008 г. составлял почти три четверти ВВП [8, с. 18].

По замыслу авторов теории научного коммунизма, социалистическое государство должно было превзойти в конкурентной борьбе страны капитализма за счет большей слаженности и меньшего числа взаиморазрушительных нелепостей: «если большевики делают глупости, то большевик говорит: “Дважды два – пять”; а если его противники, т.е. капиталисты и герои II Интернационала, делают глупости, то у них выходит: “Дважды два – стеариновая свечка”» [12, с. 291]. Однако реальный социализм столкнулся с не меньшими проблемами организации взаимодействия людей.

В контексте статьи принципиальным является положение о том, что менталитет общества является условием повышения синергии действий. Социологами показана перспективность понятия консолидации общества [13, 28]. Синергия и консолидация оказываются взаимодополняющими понятиями. Консолидация связана с *единством различных групп*. Синергия означает *единство*

действий людей внутри групп по решению различных задач.

Консолидация основана в значительной степени на совпадении интересов различных общественных групп. Однако психологический элемент в этой проблеме также присутствует⁵.

Сочетание консолидации и синергии может объяснить феномены неожиданного роста роли отдельных народов в мировой истории, как, например, арабов после Магомета или монголов при Чингисхане. Л.Н. Гумилев объяснял, как известно, такие явления пассионарностью [4], которую А.Л. Чижевский в свою очередь возводил к “солнечным бурям” [27]. Однако пассионарность, если понимать этот термин этимологически как страстность, относится к мотивационным факторам, роль которых велика на уровне индивидуального решения задач. Исторические же феномены, о которых идет речь, относятся к сфере коллективных достижений, поэтому вряд ли в отношении них разумны объяснения, не учитывающие консолидации и синергии, тем более что они обычно были сопряжены с распространением определенной идеологии (как в случае с Магометом) или формированием организации (как в случае с Чингисханом).

Уровень больших социальных групп характеризуется тем, что количество участвующих в решении задач, их ролей и функций настолько велико, что не может быть удержано в сознании каждым из участников. В результате возникает необходимость организовывать и контролировать взаимодействие путем не персональных контактов, а общих правил. Таким образом, именно

установление правил оказывается решающим моментом для создания синергии усилий отдельных субъектов, решающих свои задачи.

Казалось бы, обеспечиваемое контролем строгое выполнение разумных правил приведет к хорошей синергии. Однако проблема заключается в том, что принятие правил всеми участниками процесса требует доброй воли и усилий, через которые и включаются психологические факторы.

Любые правила в сложной человеческой действительности недоопределены. Хорошую литературную иллюстрацию этому тезису можно найти в рассказе Леонида Андреева “Правила добра”, где говорится о том, что “некий здоровенный пожилой черт, по тамошнему прозвищу Носач, вдруг возлюбил добро” [1, с. 473] и обратился к священнику с просьбой сформулировать ему правила совершения добрых дел. Однако предложенные священником правила Носач, не имеющий интуиции добра, прикладывает к действительности на основе формальных критериев, из чего проистекает зло. Например, не противясь злу насилием, допускает убийство. Когда же священник пытается разработать правила на все случаи жизни, то получается нечто формально противоречивое: “когда надо – не убий; а когда надо – убий; когда надо – скажи правду; а когда надо – солги; когда надо – отдай; а когда надо – сам возьми, даже отними...” [1, с. 496].

Из сказанного очевидно, что синергия группового решения задач в большой степени определяется поведением, а в особенности ценностной сферой людей, занимающих управленческие позиции разного уровня. Если управленческие решения принимаются людьми, руководствующимися личными или узкогрупповыми интересами, находящимися в противоречии с общественными, то синергия действий разрушается.

Именно здесь решающим моментом оказывается поведение психосоциального человека, исходные установки которого, сформированные на жизненном пути, переходят за счет рефлексивного скачка в осознаваемые правила. В этом контексте следует особо рассмотреть роль ценностей, связанных с дистанцией власти и групповым сплочением. Дистанция власти приводит к тому, что носителями этой ценности на управленческих постах принимаются решения, закрепляющие иерархию и увеличивающие разрыв между верхами и низами. Тем самым увеличивается сила мотивации, заставляющей людей стремиться выше по ступеням иерархии. Высокое положение на шкалах власти и богатства (к тому же сильно коррелирующих между собой) становится

⁵ В классических психологических исследованиях ингруппового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации, выполненных М. Шерифом, обнаружено возникновение этих феноменов при реальном соперничестве групп. Однако более поздние исследования в когнитивной традиции показали феномен “минимальной группы”: явление фаворитизма и дискриминации возникают даже в том случае, когда в лабораторном эксперименте не создается никакой конкуренции, а группы только различаются при помощи какого-либо атрибута, например, разного цвета ленточек [10].

Объяснение этого феномена, как известно, дается в рамках теории социальной категоризации. Познавая мир, люди делят его на категории. При этом, причисляя себя к некоторой социальной категории, человек применяет характеристики членов этой категории к себе. Отсюда возникает сильная потребность в атрибуции положительных характеристик членам своей группы. Категоризация, однако, это процесс, испытывающий различные влияния, что делает его доступным для управления. Как аргументировал Х. Таджфел, человек может относить себя к разным категориям в зависимости от ситуации [33]. Этот феномен вносит значительный вклад во взрывы межэтнических конфликтов среди населения, которое мирно сосуществовало в течение веков.

намного более социально почитаемым и желаемым, чем, например, ценность мастерства и профессионализма. В результате давление на человека правил построения карьеры увеличивается, а боязнь отклониться от их буквы соединяется с необходимостью следования правилам неписаным. Люди, находящиеся под этим давлением, создают новые правила, которые отражают это давление в большей степени, чем потребность в оптимальном решении задач.

Групповое сплочение на этом фоне приводит к образованию кланов, скрепленных неписаными правилами лояльности. Поскольку кланы осуществляют продвижение по карьерной лестнице своих членов, не оставляя при массовом разрастании места чужим, участие в клане становится необходимым, чтобы преуспеть. Все это вместе взятое приводит к отсутствию синергии в решении общественных задач, несущим обществу общественную жизнь, осознаваемой каждым мыслящим чиновником, однако, вынуждаемым машиной социальной жизни в ней участвовать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Публикуемая в этом номере журнала теоретико-методологическая часть статьи не является самоцелью. Она направлена на формирование фундаментальной научной базы для практической работы психологии на уровне общества в целом. В этом плане проведенный выше анализ показал, что закономерности функционирования психосоциального человека существенно влияют на синергию решения общественных задач, а значит – на конкурентоспособность и удовлетворенность общества. Это означает на концептуальном уровне потенциальные возможности психологии вместе с науками об обществе играть стратегическую роль. Однако стратегическое значение науки предполагает, что ее концептуальные схемы могут превратиться в практически эффективные технологии. В следующей части статьи речь пойдет о перспективах технологий, направленных на оптимизацию психологического состояния общества, а также о практических и этических проблемах, которые могут возникнуть при развитии таких технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреев Л.Н.* Повести и рассказы. М.: Государственное издательство художественной литературы. 1957.

2. *Гольц Г.А.* Культура и экономика: поиск взаимодействия // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 23–35.
3. *Грановский Т.Н.* Лекции по истории Средневековья. М.: Наука, 1987.
4. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. 3-е издание, стереотипное. Л.: Гидрометеиздат. 1990.
5. *Журавлев А.Л.* Социально-психологическая динамика в изменяющихся экономических условиях // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 3. С. 3–16.
6. *Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В.* Перспективы психологии в решении задач российского общества. Часть 1. Постановка проблемы и теоретико-методологические задачи // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 1.
7. *Зимбардо Ф., Ляйппе М.* Социальное влияние. СПб.: Питер, 2000.
8. *Ерзнкян Б.А.* Теоретико-методологические изменения в институциональной экономике // Экономическая наука современной России. 2012. № 1. С. 11–30.
9. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
10. *Клейнер Г.Б.* Институциональные факторы долговременного экономического роста // Экономическая наука современной России. 2000. № 1. С. 5–20.
11. *Лекторский В.А.* Философия, познание, культура. М.: Канон+, РООИ Реабилитация, 2012.
12. *Ленин В.И.* IV конгресс Коммунистического Интернационала // Полное собрание сочинений. 5-е издание. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 45.
13. *Локосов В.В., Шульц В.Л.* Основания консолидации современного российского общества. Социологические аспекты. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2008.
14. *Ломов Б.Ф.* Теоретические и методологические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
15. *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996.
16. *Позняков В.П.* Социально-психологические отношения в трудовом коллективе в условиях изменения форм собственности // Совместная деятельность: методы исследования и управления. М.: Институт психологии РАН, 1992. С. 140–165.

17. Полтерович В.М. Трансформационный спад в России // Экономика и математические методы. 1996. Т. 32. № 1. С. 54–70.
18. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. М.: Аспект Пресс. 1999.
19. Свечин А.А. Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. М. –Л.: Государственное издательство военной литературы, 1927. Т.1.
20. Тернер Дж., Оукс П., Хэслем С., Дэвид В. Социальная идентичность, самокатегоризация и группа // Иностранная психология. 1994. Т. 2. № 2(4). С. 8–17.
21. Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.
22. Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема. Опыт философского и социологического анализа. М.: Новый хронограф, 2011.
23. Ушаков Д.В. Интеллект, элита, культура // Образовательная политика. 2010. № 7–8. С. 64–77.
24. Ушаков Д.В., Лобанов А.Г. Цена интеллекта: от психологических категорий к экономическим // Психологическая наука и образование. 2009. № 4. С. 15–30.
25. Хакен Г. Принципы работы головного мозга. М.: ПЕР СЭ, 2001.
26. Хащенко В.А. Исследования коллективного субъекта управления // Совместная деятельность: методология, теория, практика. М.: Наука, 1988. С. 88–99.
27. Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. М.: Мысль, 1976.
28. Шульц В.Л., Локосов В.В. Консолидация современного российского общества: риски и возможности // Вестник РАН. 2011. Т. 81. № 11. С. 963–980.
29. Hamilton G.G. Civilizations and organization of economies // The handbook of economic sociology / Ed. by N.J. Smelser, R. Swedberg. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 183–205.
30. Moles A. Information theory and esthetic perception. Urbana: University of Illinois Press, 1968.
31. Moscovici S. Social Influence and Social Change. London: Academic Press, 1976.
32. Price D. Little science, big science. N.Y.: Columbia University Press, 1963.
33. Tajfel H. Social psychology of intergroup relations // Annual Review of Psychology. 1982. V. 33. P. 1–39.
34. Woolley A., Chabris C., Pentland A., Yashmi N., Malone T. Evidence for a collective intelligence factor in the performance of human groups // Science. 2010. V. 330. P. 686–688.

PROSPECTS OF PSYCHOLOGY ON RUSSIAN SOCIETY PROBLEMS' SOLVING. PART II. CONCEPTUAL CROUNDS

A. L. Zhuralev*, D. V. Ushakov**, A. V. Yurevich***

* Corresponding Member of RAS, Sc.D. (psychology), professor, Director of the Federal State-financed Establishment of Science, Institute of Psychology RAS, Moscow;

** Corresponding Member of RAS, Sc.D. (psychology), professor, head of laboratory of psychology and psychophysiology of creativity, the same place;

*** Corresponding Member of RAS, Sc.D (psychology), professor, deputy director, the same place.

Theoretical and methodological problems of correlation between socio-economic and psychological phenomena and regularities are considered. The model of psychosocial person that can be a conceptual basis for joining the efforts of psychology and social sciences for optimization of Russian society psychological state and development is proposed.

Key words: psychology, socio-humanistic sciences, NBIKS-convergence, psychological practice, optimization, psychological state of society.